

Олена Мамчич

Доцент кафедри мов Чернігівського національного педуніверситету, кандидат педагогічних наук. Відмінник освіти України. Літературний редактор, перекладач. Автор 88 наукових публікацій, 26 антологій та п'ятьох поетичних збірок. Дипломант Всеукраїнського літературного конкурсу «РУСЛЮ» (2007). Член літературної спілки «Чернігів» і Всеукраїнської творчої спілки «Конгрес літераторів України».

Мир не привык к добру, теплу и свету, к звезде, почившей на излете дня, ко лжи бессильной маленькой планеты, несущейся по бурям и огням. Рассвет наступит, в темноте скрываясь, под гнетом солнца в небе голубом, ответный бой добра со злом встречает всех нас, блаженных, в бешенстве слепом. И не унять стремлений бесконечных, увидев мир, принять его таким, нерадостным, глупеющим, беспечным в усталом крике запоздавших зим. И вдруг понять, что ты – его частица, зимою, летом, осенью, весной, что пред тобой мелькают те же лица идущих в бой или в земной покой. А твой черед – пустое откровенье, где ты уже не царь и не герой, и твой удел – сберечь его терпенье под временем и верною судьбой...

В несправимости земля себя едва не потеряла, но ей роптать уже нельзя, дыхания – ничтожно мало. И стало мало ей любви, все жестче горькие печали, родные дети – хуже тли, ее изменой оболгали. На все готовое пришли, но в быль души не заглянули, давили горло, сердце жгли, лихой победой обманули. Но вечный бой неутомим, она уже теряет силы, и ветер, гордостью гоним, уже копает ей могилу. Она истерзана, слепа, глуха, растоптана и тленна, на ней танцуют «гопака» свободный раб на воле пленной. Ты остановлена, земля, и к жизни новой не готова, в речах

чужого «короля» не ощущаешь мудрость слова. Прощенья нет твоим врагам, им не знакомо искупление, но ты живешь, назло векам, считая пульс своих мгновений...

Восторгов нет, дрожит глухое море в обман границ, седеющих во мгле, и пенный взгляд бессмысленности горя – как нить блаженства от меня к тебе. Тот риск оправдан вечным искуплением грехов своих, чужих..., и невдомек, что в тот порыв удачи и везенья вошла любовь, вдруг преподав урок. Ее учеба вовсе не случайна, на месте нашем может быть любой, открыли души – не осталось тайны, и вновь права безумная любовь. Ей отдадим все то, что не сложилось, пронзило сердце завистью добра, кладем себя на плаху за немилость, за все, что ценным было лишь вчера...

И я к тебе однажды не приду, прогноз погоды снова субъективен, внезапно примешь горькую беду в том откровенно жалобном мотиве. Легонько ветер постучит в окно, во взрослый торг несмело приглашая, засыпан путь – свидание одно не тронет, сердца робкого касаясь. В такой компании смеяться не пришлось, зовет природа, радуясь и тешась, у солнца дождь серебряных волос в лесу ворует вечно юный леший. Предубеждений скользких не боюсь, с тобой простившись на излете горя, и в зазеркалье прежней остаюсь, не проиграв, но и не выиграв в споре...

Казалось, не расстаться невозможно, но легче полюбить не довелось, в остатке жизнь простая, где все сложно, где дождь в обнимку с солнцем безголос, где не узнать предательства измены, где все ожоги сердца – чепуха, где тронный зал в объятьях Мельпомены дрожит от гнева и безгрешного греха, где человек не делается

лучше, где так гнетет удача и тоска, судьбы бравада и нелепый случай, и провиденья мудрого рука, и верная дорожка, и ступени по счастью на великую беду, где замертво падут чужие мненья раскольников по вере и суду... Главенство права на земле усталой еще нескоро волю победит, но капли крови, трепетной и алой, к тебе приблизят истину молитв...

Имя твое я пишу на ладони, не забывая осенних примет, ветер бескрылый тоску не разгонит, вечность смеется – и вечности нет. В тех очертаньях беды от разлуки правда ютится, глупея, как сон, слышу бродяжки лукавые звуки, беглых землян унисон. Как нестерпимо не хочется драться, места под солнцем уже не занять, сердца земли не устанешь касаться, робости правил – печать. Лето раскроет слепые объятия, примет раскованный зной, сестры судьбы и разлуки собратья строем пойдут за тобой. Не остановишь их рук вожделенных, взгляда любви не унять, в плен я войду и не вырвусь из плена, стражники – верная рать. Лихо закручена память на лица, я остаюсь под венцом, тяжестью горбится жизни страница перед бессильным концом...

Мы жили на этой земле, неправдой себя охраняя, летая на белом крыле, ответов случайных не зная. Улыбкой смущая себя и словом чужим воскресая, мы жили на этой земле, в объятия ада бросаясь. Грешна я, и ты – не святой, желанья обмана везучи, а шарик, как прежде, – земной, надеялся только на случай. Привычно горела земля, себе изменяла планета, и жарило солнце не зря под лепетом нежного лета. Мы жили на этой земле, когда и зачем, – позабыли, искали блаженства судьбе в обмане покинутых крыльев...